

Владимир Колабухин

г. Ярославль

Фортуна Элла Хейса

Мистер Колвер неподвижно сидел в кресле у раскрытого окна спальни. Со второго этажа фешенебельной виллы, горделиво поднявшейся на опушке апельсиновой рощицы на берегу Калифорнийского залива, он хорошо видел всё, что происходило в мареве заката.

Вечер наплывал тёплый и тихий. Медленно гасли аквамариновые краски засыпавшей лагуны; на белом песке один за другим таяли солнечные блики; с пляжа, в обнимку, тянулись к дороге последние парочки; одна из них остановилась, слилась в долгим поцелуе...

– Счастливики, – с горечью за свою неспособность прошептал Колвер.

Он вздохнул, плотнее закутался в мягкий халат и откинулся на спинку кресла. Глубоко задумался.

Его кредитная фирма не была таким гигантом, как, например, широко известные «Галф ойл корпорейшн», «Юнайтед брендз компани», однако она тоже ворочала немалыми миллионами. Долларов ему хватало, недоставало лишь радости жизни. Болезни и старость напоминали о смерти. Целыми

днями сидел он теперь у окна спальни, и никто не решался беспокоить его. Он думал о своих миллионах, во имя которых так безоглядно израсходовал отведенное судьбой время, что не успел обзавестись семьёй, и, значит, всё богатство даже некому завещать... Теперь он отдал бы всё своё состояние за возможность вот так же молодо и безмятежно, как эти парочки, пройтись по тенистым улочкам и знать, что он кому-то дорог и нужен.

Неожиданно за его спиной послышался шорох. Он обернулся. Тяжёлая портьера на двери заколебалась, складки её раздвинулись, и показалась съёжившаяся фигурка секретаря.

Колвер недовольно сдвинул жидкие, выцветшие брови.

Секретарь несмело приблизился.

– Он пришёл, сэр.

– Пусть войдёт, – оживился Колвер.

Секретарь ужом выскользнул за портьеру. И на пороге сразу показался высокий плотный блондин с быстрым цепким взглядом.

– Мистер Элл Хейс? – нетерпеливо спросил Колвер.

– Так точно, сэр, – по-военному чётко отозвался вошедший и ещё больше вытянулся.

– Садитесь, – Колвер чуть заметным жестом указал на кресло у столика.

Хейс, ступая на носок, медленно прошёлся по белому пушистому ковру, осторожно опустился в такое же белое мягкое кресло.

– Мне рекомендовали вас как надёжного человека, знающего язык индейцев, – слабым голосом продолжал Колвер. – Говорят, вы служили в армии? Где именно?

– Вьетнам, Боливия, Парагвай, Гвинея-Бисау...

– Значит, джунгли вам хорошо знакомы?

– Ещё бы! Туземцы жалили нас там из-под каждого куста.

– Однако вы уцелели.

– Повезло, сэр. Я ведь удачливый!

Колвер с едва заметной усмешкой пробежал глазами по его подержанному дешёвенькому костюму.

– Но сейчас вы как будто на мели.

– Временно, сэр! Временно! – вспыхнул Хейс, перехватив взгляд миллионера. – Я слышал, нашим парням в ЮАР прилично платят. Вот и думаю, а не махнуть ли мне туда на охоту за чёрными?.. Или у вас есть другое предложение? Только учтите, что такая охота – моя единственная профессия.

– Это я и принимаю во внимание... Хотите миллион?

Хейс помрачнел, слегка ослабил затёкшие от напряжения длинные ноги.

– Не надо так шутить, сэр.

– А я без шуток. Предлагаю миллион долларов.

Хейс моментально снова подобрался. Вот она, фортуна! Опять улыбается ему!..

– Слушаю, сэр.

Колвер хрипло откашлялся и, растягивая от одышки слова, медленно и тихо продолжил:

– Ну что же... Тогда достаньте из секретера карту... Мне крайне необходимо, чтобы вы не позднее чем завтра вылетели в Манасус. Там, на аэродроме, для вас подготовлен мой личный вертолёт. На нём вы должны добраться до селения племени мачири, обозначенного на этой карте красным кружком. В джунглях вы отыщете пару-тройку императорских удавов и доставите мне их головы... Всё!

Колвер отёр со лба испарину. Такую продолжительную речь он давно не произносил.

Хейс, ошеломлённый столь неожиданным поручением, молчал.

– Вас что-нибудь не устраивает? – скрипучим голосом спросил Колвер.

– Нет-нет, всего несколько вопросов.

– Пожалуйста.

– С королевскими кобрами и анакондой я встречался, а вот об императорских удавах не слышал. Что о них известно?

– Почти ничего... Местные индейцы называют их просто Боа. Взгляните на рисунок питонов, приложенный к карте. Разве не похожи на миниатюрные короны ороговевшие наросты на их голове? Собственно, вот эти колечки мне и нужны.

– В чём же их ценность?

– Мачири якобы готовят из них омолаживающее снадобье. Как вы понимаете, в нём теперь мой последний шанс.

– Почему же, – смущённо пробормотал Хейс. – А женьшень, гормональные средства?

– Увы, всё это пройденный этап.

Элл посмотрел на карту. Судя по координатам, мачири обитали в весьма труднодоступном районе Амазонской сельвы Бразилии.

– Насколько достоверно местонахождение мачири?

– Человек, указавший его, побывал там лично. Он искал сокровища инков, а случай свёл с мачири... Вы что-нибудь слышали о Бенте Чейзе?

– О, знаменитый кладоискатель и авиационный механик! Так это был он? Почему не предложили ему это дельце?

– Он давно спился.

– А мачири... Что они из себя представляют?

– Совершенно неизвестное дикое племя.

– И, видимо, встреча с ними – большой риск?

– Но и я миллионами зря не швыряюсь... Впрочем, Чейз сумел уцелеть.

– Я должен отправиться к индейцам один?

– Нет. Вас будут сопровождать трое парней из моей охраны. И помните – я жду вас не позднее чем через две недели. В противном случае наш контракт, который вы сейчас подпишете у секретаря, будет аннулирован: я не могу долго ждать.

– Но индейцы могут мне помешать.

– А разве вы не были солдатом и не умеете стрелять?

«Чёрт побери! – выругался про себя Хейс. – Старик прав – игра стоит свеч!»

– Можно получить задаток?

Колвер молча протянул приготовленный чек. Хейс внимательно прочитал обозначенную на нём сумму, довольно улыбнулся, спрятал чек в потрёпанный бумажник и, простившись с хозяином виллы, направился к выходу. Колвер проводил его взглядом, полным надежды.

Вертолёт плавно опустился на залитую солнцем поляну. Хейс первым спрыгнул в густую траву, осмотрелся. Прямо перед ним, всего в нескольких шагах, монументальным изваянием возвышался ритуальный столб из чёрного дерева в виде приподнятой змеиной головы. Поодаль от столба теснилось с десяток бамбуковых хижин. А вся поляна была отгорожена от внешнего мира сплошной стеной из высоченных деревьев и зарослей кустарника.

В селении было пустынно и тихо. Однако Хейсу тишина эта казалась обманчивой. Придерживая на поясе тяжёлую кобуру с кольцом, Элл опасливо обошёл пустые хижины и лишь в самой последней – жилище жреца – обнаружил полуголого старика-индейца, в котором, казалось, чуть теплилась жизнь. Старик неподвижно сидел на шкуре ягуара у затухающего очага, и его глубоко запавшие глаза равнодушно смотрели на незваного пришельца.

Спутники Эллы с автоматами наизготовку остались снаружи у входа, а Хейс с притворной улыбкой приблизился к старику, уже знакомому по фотографии Чейза.

– Здравствуй, мудрейший Викима! Я счастлив, что вижу тебя живым и здоровым! – льстиво заговорил он, с трудом подбирая фразы.

Ничто не выдало удивления хозяина хижины. Он тяжело поднялся.

– Ты пришёл? – спокойно произнёс он традиционное приветствие индейцев. – Пусть этот день принесёт радость твоей душе.

– И твоему народу тоже! Но куда все скрылись?

– Мачири испугались «железной стрекозы» и потому попрятались в зарослях, – помедлив, глухо ответил жрец.

Хейс достал из кармана френча фотокарточку Чейза, протянул её жрецу.

– Узнаёшь? Он был твоим гостем.

Викима хмуро повертел фотокарточку, безразлично поцокал и возвратил её.

– Возьми свой рисунок – это плохой человек.

– Почему?

– Он пил огненную воду и...

Старик с отвращением поморщился.

Лицо Хейса вытянулось. Он захватил из Манауса бочонок виски, рассчитывая приобрести расположение индейцев, а теперь нечего было и думать о подобном.

– Чем ещё он тебе не понравился? – осторожно поинтересовался Элл.

– Викима нашёл его в джунглях, больного и беспомощного, – опустив тяжёлые веки, тихо вспоминал старец. – С переломанными ногами и разбитой головой он лежал в такой же Большой Стрекозе, упавшей на моих глазах прямо с неба, когда я собирал коренья. С ним было ещё несколько белых, но они уже остыли и не дышали. Сначала Викима подумал, что это боги спустились к нему. Но боги бессмертны... И тогда Викима перенёс его на себе в свою хижину, хотя помнил предупреждения предков о коварстве и жестокости бледнолицых, загнавших мачири в джунгли.

Хейс хотел возразить, но не рискнул.

– А что случилось потом?

– Викима вылечил его... Мачири уже давно не имеют связи с миром. С каждой новой луной они теряют прежние навыки, всё больше слабеют и дичают. Викима надеялся, что этот человек, сын могущественного племени белых, умеющих летать, как боги, породнится с нами и вольёт в наши жилы свежую кровь, передаст нам хотя бы частицу своих знаний.

Старик вздохнул.

– Но Викима жестоко поплатился за то, что не внял голосу предков. Этот человек с восхода солнца и до вечерней зари пил свою огненную воду, отчего у него мутился разум, и бледнолицый становился свирепее лютого зверя. Он страшно ругался и требовал от нас жёлтые камушки, которые называл золотом. А потом Большая Стрекоза унесла его. Но перед этим он убил из Железного Пальца многих наших братьев.

Жрец подбросил в очаг сухих веток, опустил на шкуру.

– Викима не спрашивает, что привело тебя к нам. Но если у бледнолицего есть

мать, то лучше уходи, чтобы она не оплакивала потом своего погибшего сына.

Хейс растерянно молчал, не зная, что ответить. Неожиданно он увидел в углу освещённую блеском пламени деревянную фигурку питона. Это прибавило ему решимости. Он подсел к жрецу.

– Скажи, как ты вылечил того человека?

Викима долго молчал, задумчиво глядя на огонь очага. Наконец он поднял голову.

– А зачем тебе знать? Разве ты тоже болен?

– Нет. Но у меня на родине умирает один старик. Если ты сможешь вылечить его, я хорошо отблагодарю тебя.

– От судьбы не уйдёшь, – возразил Викима. – Рано или поздно наши души вознесутся к предкам.

– Но согласишься, что все мы желаем, чтобы это случилось позже. Жизнь так хороша!

– Неужели он не устал от неё? Почему боится Смерти? Даже дерево в конце концов засыхает... Неужели не устало его тело, не болит голова? Разве бессонница не мучает его? Умирая, человек избавляется от многих печалей.

– Всё это так, мудрый Викима... Однако ему хочется вернуть молодость. Мачири долго не стареют... И помогает им в этом какая-то Боа.

Старик гневно поднялся. В глазах за сверкали молнии.

– Бледнолицые узнали нашу тайну! Они хотят лишить нас последней надежды.

Хейс тоже вскочил.

– Нет, нет! Я лишь прошу помочь больному старику! Ведь у тебя доброе сердце!

Жрец обмяк: уж очень хотелось поверить, что белый человек действительно пришёл «переломить стрелу» – установить мир.

– Хорошо, – не сразу ответил он. – Я помогу... Но при условии, что мачири не потребуют принести бледнолицего в жертву Боа.

Элл содрогнулся.

– Меня – в жертву?

– Мачири хорошо помнят, чем отплатил им белый человек за гостеприимство. Они скоро вернуться.

И действительно, снаружи послышался грохот барабанов, шум голосов. Хейс тревожно выглянул. На поляну, потрясая луками и дротиками, выскакивали из зарослей индейцы.

– Спокойно! Не стрелять! – приказал своим побледневшим парням Хейс. – В наших руках сам жрец.

Элл снова скрылся в хижине. Он понимал, что сейчас решается судьба всей экспедиции. Конечно, автоматная очередь могла бы отбросить индейцев, но кто потом показал бы логово удавов?

– Останови их, Викима!

– А что он скажет им?

Грохот барабанов усилился. Хейс выругался, рука сама потянулась к кольцу.

– Послушай, Викима! Ты, видно, забыл про огонь Железного Пальца? Если будет выпущена хотя бы одна стрела, потом мало кто из мачири уцелеет. Разве ты этого хочешь?

Старик склонил голову. Хейс грубо ухватил его за плечи.

– Решай скорее, Викима. Решай!

Старик гордо высвободился, молча вышел из хижины и поднял руку в знак того, что хочет говорить. На поляне тотчас всё стихло. Десятки горящих глаз впились в жреца. Он выждал паузу и чётко произнёс:

– Бледнолицые – мои гости. Я всё сказал!

Глухой ропот разнёсся по поляне. Но Викима уже скрылся в хижине. Через минуту индейцы разбрелись кто куда.

У Хейса отлегло от сердца. Он с удовлетворением отметил, что его фортуна явно милостива к нему.

Одно удручало Хейса: Викима наотрез отказался выделить проводников в джунгли. Старик объяснил, что мачири никогда не осмеливались охотиться на Боа, а лишь раз в году после линьки подбирали её шкурки с чудодейственными венчиками, и до той поры, как понял Хейс, оставалось ещё не менее месяца. Встречаться же с Боа живой индейцам воспрещалось: «Кто хоть раз предстанет перед ней – жестоко пострада-

ет!» – гласило их поверье. И мачири строго придерживались его.

Выйдя из хижины Викимы, Элл со злой усмешкой спросил своих парней:

– Как вам эти дикари – не очень досаждали?

– Всё о'кей, мистер Хейс!.. – за всех отозвался верзила-пилот. – А поначалу я малость стухнул. Вот, думаю, и отлетался... Здорово они своего старикашку слушаются!

– Так-так, – чуть оттаял Хейс. – Значит, поживём ещё!

Он присел на пенёк, стал с интересом наблюдать за мачири.

Индейцев в племени было немного, человек пятьдесят – полуголые, приземистые и коренастые, с жёлто-коричневой, переходящей в красноватый оттенок, кожей. Видимо, для них наступило время ужина, потому что мужчины начали разводить костры, а женщины взялись за разделку птичьих тушек и размолку корней. Занимаясь каждый своим делом, они, казалось, не обращали на белых людей никакого внимания, лишь искоса угрюмо поглядывали на вертолёт.

После ужина все мачири собрались перед ритуальным столбом и затянули грустную песню, покачивая бёдрами и пританцовывая. Особенно красиво танцевала одна из девушек. Эллу показалось, что она украдкой с интересом поглядывает на него. Он убедился в этом, перехватив её взгляд: девушка сразу сбилась с ритма и быстро отвела в сторону свои чёрные смущённые глаза.

Внезапно поляну окутала душная, наполненная тревожащими звуками ночь. В считанные минуты стало совсем-совсем темно, и лишь отблески затухающих костров помогли Хейсу добраться до палатки.

Элл отпустил над раскладной кроватью противомоскитную сетку, а чтобы до него не добрались клещи и другая подобная им мерзость, опрыскал всё вокруг инсектицидом и завалился спать.

Однако сон его не был спокойным. Где-то совсем рядом с палаткой ухала ночная птица, громко и злобно ревели обезьяны, от

укусов клещей и звенящих над ухом москитов не помогала ни сетка, ни инсектицид. Утром Элл встал с опухшим от укусов лицом и больной головой.

Почёсывая зудящие от волдырей руки и щёки, Хейс вышел из палатки. Вокруг было тихо и солнечно, светлой бирюзой отливало ясное, безоблачное небо. Будто и не было этой чёрной беспокойной ночи.

Хейс решил не терять даром времени. Осыпав Викиму заверениями, что он не будет охотиться на Боа, Элл, прихватив парней Колвера, отправился на разведку в джунгли. Но поиск питонов оказался тяжёлым и бесплодным. Несмотря на царивший полумрак, нигде не ощущалось прохлады или хотя бы освежающего ветерка. Уже через несколько минут Элл изнемогал от влажной духоты. В глазах рябило от какофонии красок: голубого, красного, жёлтого, зелёного цвета... Надоедливо, пронзительно орали попугаи, швырялись сверху увесистыми плодами обезьяны, больно хлестали звенящие под тесаком лианы, горела от укусов невиданных насекомых кожа...

Так продолжалось и в другие дни. С каждым часом люди Хейса всё больше скисали, да и сам он чувствовал себя уже на грани безумства от «зелёного ада». И когда однажды утром люди Хейса с трудом поднялись с кроватей и отказались идти в джунгли, Элл был вынужден вызвать по рации Колвера и попросить разрешения на передышку, чтобы группа могла дожждаться линьки питонов.

Но тот и слушать ничего не хотел.

Элл с досадой выключил рацию и, взбешённый, покинул вертолёт. День ещё только начинался, но уже стояла адская жара. Спасаясь от обжигающих солнечных лучей, он укрылся под пышной листвой одного из могучих деревьев и бессмысленным взором уставился на поляну. Солёные струйки пота стекали по лицу, разъедая почерневшую кожу, но Элл всё сидел и сидел под деревом, тупо глядя на молчаливых индейцев, копошившихся у хижин.

Неожиданно одна из девушек, которая уже не раз заглядывалась на Хейса, кротко приблизилась к нему.

– Эй!.. – окликнула она его, смущённо поправляя на шее ожерелье из чучел колибри.

Элл очнулся, недоуменно посмотрел на девушку.

– А-а, это ты, Чилиана... Что тебе?

– Мне больно видеть белого человека хмурым.

Элл невольно улыбнулся. Ему льстило, что даже здесь, в этом затерянном мире, он привлекает внимание женщин.

Элл поднялся, быстрым взглядом окинул индианку. Круглолицая и стройная, девушка была ему по плечо. Большие, тёмные как ночь, бархатные глаза её доверчиво смотрели на него и как бы просили о таком же отношении.

И тут Хейс понял, что фортуна снова пришла к нему на помощь. Уж кто-кто, а он повидал в жизни немало женщин и хорошо знал, на какое мужество они способны, как все они одинаковы в постоянной готовности к самопожертвованию в своей любви.

Элл осмотрелся и поманил девушку в заросли дикой акации.

...Они лежали на мягком мху, как на перине. Чилиана что-то нежно нашёптывала, заглядывала в глаза, ласково перебирала его белокурые волосы. Элл поглаживал её голые плечи, думал о своём и молчал.

– Скажи, почему ты невесёлый? Что мешает радоваться?

– Устал я, Чилиана. От джунглей устал.

– Зачем же ходишь туда?.. Мачири говорят, что бледнолицые охотятся за Боа. Это правда?

– Правда, – не замедлив, ответил Хейс и словно прыгнул в холодную воду, по телу пробежали мурашки: как отнесётся к этому Чилиана?

– Разве тебе не известно, что тот, кто увидит Боа, ослепнет?! – обеспокоенно воскликнула она.

– Но почему?

– Не знаю... – огорчённо ответила Чилиана.

– Боа принесёт мне счастье. Ты только подскажи, где найти её?

– Я не могу...

– Тогда уйду. Потому что ты не любишь меня.

– Подожди!.. – Девушка вскочила на ноги, до крови закусила губы. – Подожди!

Чилиана уверенно пробиралась вперёд. Хейс старался запомнить путь, отмечая его зарубками на деревьях. Чуть заметная тропинка, по которой они шли, вскоре оборвалась, и Чилиана остановилась.

– Дальше идти мне нельзя.

Хейс кивнул, осмотрелся. Место было унылым, мрачным. Ни голосов птиц, ни возни обезьян. Повсюду стеной теснились заросли колючего кустарника, нависали громады гигантской секвойи. Хейс невольно почувствовал себя среди них одиноким, незащищённым карликом.

Первым желанием Хейса было вернуться. Но Элл не любил оставлять дело незаконченным. К тому же до окончания срока контракта, заключённого с Колвером, оставалось три дня. Всего три дня!..

– Подожди меня здесь, – сказал он девушке и, пересилив страх, двинулся в заросли.

Элл медленно пробирался сквозь колючий кустарник и сплетения лиан. Нервы его были напряжены до предела. Он поминутно крутил головой, обшаривая глазами заросли, ловя взглядом каждое движение веток и лиан, часто останавливался, чутко прислушиваясь к любому шороху, и всё-таки упорно стремился вперёд, стараясь не думать о возможной встрече с ягуаром.

Неожиданно заросли расступились, открыв перед ним крохотную полянку.

Элл на мгновенье остановился, облилиз пересохшие губы и решительно ступил на поляну. Сделал один шаг, другой, третий... Под ногами гулко хрустнули опавшие сушья – и Элл провалился в глубокую яму. Он взмахнул руками, инстинктивно стремясь за что-нибудь ухватиться, но вместо этого выронил на поляну колыт и тесак.

Элл метался по дну ямы и изрыгал неистовые ругательства. Безоружный, с разбитой при падении рацией, он очутился словно в ловушке.

«Что же делать? Как выбраться отсюда?..»

В голову лезли самые тревожные мысли. Если, например, начнётся дождь, то потоки мутной воды в считанные минуты зальют его здесь... И сколько же за ночь набьётся сюда ядовитых тварей, мохнатых пауков, кровожадных клещей, ненасытных москитов? Тогда останется ли он жив?..

Элл взглянул на светящийся хронометр. Уже прошло несколько часов с того времени, как они с Чилианой ушли из селения. Она, наверное, вернулась. И если не расскажет там всё как было – он пропал. Ведь никто не знает, где его искать...

Он опустил на корточки, прижался к стене и стал ждать.

«Только бы вырваться отсюда! И тогда – к чёрту, к дьяволу всех миллионеров с их невероятными причудами и толстыми чековыми книжками!»

Так он просидел долго. Вдруг что-то невыносимо острое впилось ему в шею. Он подскочил от боли и вытащил из кожи крохотного клеща. Однако в следующую секунду такая же острая боль пронзила затылок. Элл застонал и опять подумал о Чилиане. Если его ищут, то люди должны быть уже близко. Надо только дать им о себе знать.

Он набрал в лёгкие воздух, громко, протяжно закричал:

– Э-э-э-эй! Сюда-а! Я здесь!..

Элл кричал долго, до хрипоты, в перерывах напряжённо вслушиваясь в тишину ночи. И вдруг уловил неясный шорох. Элл радостно вскинул голову. И... ужаснулся. На кромке ямы показалась невероятно крупная змеиная голова. Несколько секунд она раскачивалась над ямой, а затем поползла вниз.

Элл забился в угол. Он ещё надеялся, что глубина ямы не позволит змее добраться до него, но она всё ползла и казалась бесконечной.

Элл закрыл глаза. В тот же миг его тело сдавили холодные плотные кольца, и он потерял сознание.

Когда Элл очнулся, то с удивлением отметил, что жив и лежит не на дне ямы, а невдалеке от неё, у разлапистых корней

поваленной секвойи. Рядом широкими толстыми кольцами свернулся огромный сетчато-чёрный удав. Маленькие узкие глазки его не отрываясь следили за ним, словно запоминая.

Элл поспешил отодвинуться. Он не понимал, почему удав отпустил его. Может, просто был сыт.

Позади Хейса хрустнули сучья. Сердце снова полоснула тревога: «Кто там ещё?» Но обернулся только тогда, когда потревоженный шумом удав, развернув кольца, скрылся под корнями секвойи.

Повернувшись, Элл не поверил глазам: из зарослей кустарника к нему бежала Чилиана.

– Ты? Здесь? Одна?!

Девушка молча припала к его груди.

Элл нетерпеливо оторвал от себя индианку, попытался подняться. Но одеревеневшие ноги слушались плохо.

– Почему ты одна?

Горькая улыбка скользнула на её губах.

– Сердца твоих бледнолицых братьев трусливы. Что же Чилиане оставалось делать?

– Ах, ублюдки! – выругался Элл. – Как же ты нашла меня?

– Чилиана не сова, но видит ночью не хуже, чем днём.

Опираясь на её худенькие плечи, спотыкаясь и охая, Элл едва тащился по лесу. Голубой свет светлячков хорошо помогал ориентироваться по оставленным зарубкам. Чудесное, если не сказать фантастическое, избавление от гибели в злосчастной яме постепенно наполняло всё его существо радостью. И хотя он никогда не верил в Бога, уже готов был молиться за благополучие удава и Чилианы.

...В селение они вернулись только к утру. Элл настолько был измучен, что как свалился на койку, так и забылся в беспробудном сне. Он спал весь день и всю ночь. А проснувшись, долго не вставал, испытывая невероятную усталость. За пологом палатки о чём-то спорил пилот, звучали голо-

са играющих ребятишек мачири, доносился стрекот цикад, гомон птиц...

Элл потянулся и вдруг разом вспомнил всё, что случилось с ним накануне. В голове мелькнул знакомый образ свернувшейся у ног змеи с чуть заметным венчиком на приплюснутой голове.

«Да ведь это была Боа!» – чуть не вскрикнул Элл.

Он вскочил на ноги и заметался по палатке, отыскивая одежду, оружие, компас и прочее снаряжение. Он понимал, что предает сейчас и себя, и Боа, и Чилиану, но ничего не мог поделать с собой. Каким-то наваждением обещанный поток хрустящих банкнот заслонил всё остальное. Он уже видел себя не жалким просителем любой, даже самой чёрной работы и приютившимся в мрачной лачуге, но обладателем огромного состояния, владельцем белокаменной виллы, не хуже, чем у Колвера, настоящим джентльменом, перед которым отныне будут услужливо открываться все двери деловых офисов, дорогих магазинов, дансингов и казино...

Элл выскочил из палатки.

– Вот что, парни! – обратился он к своей группе. – Хватит спорить. Живо собирайтесь!

– Куда, шеф?

– Опять в этот проклятый ад?

– Ничего, ничего... – возбуждённо ответил Хейс. – В последний раз. Читайте, что Боа у нас. Я теперь знаю, где её искать. Скоро доллары потекут к нам рекой!

Элл притих, увидев выходящего из хижины жреца.

Викима был мрачен.

– Белые люди опять уходят в джунгли. Разве Викима не обещал им свою помощь?

– Успокойся, мудрейший, – усмехнулся Элл. – Мы не охотимся на Боа. Клянусь тебе!

Викима недоверчиво покачал седой головой.

– Смотри, бледнолицый... Нельзя долго дразнить ягуара.

И отошёл.

Хейс бешено сплюнул, подозвал пилота.

– Быть в полной готовности, – шепнул он ему и решительно рванулся с парнями в густые заросли джунглей.

Жрец проводил их тяжёлым взглядом.

Вскоре вся группа была у поваленной секвойи. Хейс по опыту знал, что змеи редко селятся в одиночку, и, если поднять в чаще шум, они торопятся покинуть свои жилища. Поэтому приказал стучать палками по деревьям и внимательно наблюдать за обстановкой. Через несколько минут, потревоженные неожиданным грохотом, из дупел деревьев и скрытых нор выползли змеи, стремясь укрыться в зарослях кустарника. Но молодчики Колвера, подбодряемые Хейсом, повсюду настигали их, в упор расстреливали из автоматов и рубили тесками их «венценосные» головы.

Всё это время Элл напряжённо следил за корневищами вывороченной секвойи и мысленно молил «его» Боа не показываться из норы. Когда жуткая бойня закончилась, он с облегчением вытер вспотевший лоб. Но вдруг в корнях секвойи послышался шорох, и оттуда выползла ещё одна змея. Самая большая. Хейс, находившийся к ней всех ближе, сразу узнал свою недавнюю спасительницу, и ему стало не по себе.

Между тем Боа приподнялась, на мгновение застыла, словно изваяние. Её немигающие маленькие глаза смерили его, как ему показалось, презрительным взглядом. Он похолодел, но не смог сдвинуться с места.

– Берегись! – услышал Элл.

Из-за спины ударила автоматная очередь.

Змея судорожно дёрнулась и плюнула в Хейса. Он всё-таки успел закрыть глаза. В тот же миг всё лицо его словно огнём обожгло. Что-то огненно-липкое просочилось под веки, вызвав там дикую боль.

Элл вскрикнул и рухнул как подкошенный, закатался по земле, сдирая с лица ядовитый плевок.

Все бросились к нему на помощь. Водой из фляжек торопливо промыли глаза, осторожно протёрли марлевым тампоном лицо.

Хейс попытался открыть обожжённые веки. В глазах застряла острая резь, вокруг

всё рябило и расплывалось как в тумане... «Вот оно, в чём ещё одна тайна Боа, – с горечью подумал он. – Только бы не ослепнуть!»

Неожиданно совсем рядом забухали барабаны мачири, послышалась быстрая, возбуждённая речь индейцев. Парни Элла за беспокоились:

– Нас засекли, шеф!

– Теперь живыми не выпустят!

– Что будем делать, мистер Хейс?

Элл с трудом поднялся, зло процедил:

– Добычу ко мне в сумку. Попробуем прорваться... Патронов не жалеть!

И всё-таки к вертолёту добрался один Хейс.

«Повезло! Опять повезло!» – счастливо думал он, подбегая к заветной машине. Викима попытался преградить ему путь, но Элл не колеблясь разрядил в него кольт.

Уже подтягиваясь в кабину, он услышал за спиной звонкий голосок Чилианы. Что-то дрогнуло в его сердце, но Элл даже не обернулся.

– Пошёл! – крикнул он пилоту.

Вечером Хейс был уже в Калифорнии. Море казалось всё таким же тихим, изумрудным. И всё так же, как две недели назад, плясали по белому песку затухающие

солнечные блики, в обнимку брели с пляжа парочки...

Глаза Хейса болели не переставая, но Элл весело помахал пляжу, открыл калитку палисадника виллы, медлительной походкой прошёл по аллейке, нажал на двери кнопку звонка.

Швейцар, увидев его, испуганно отшатнулся, однако потом вышколенно принял от Хейса шляпу.

– Доложите хозяину, что мистер Хейс желает видеть его, – с напускной беззаботностью бросил Элл.

Швейцар вначале замаялся, но затем молча удалился.

Приглаживая волосы, Хейс подошёл к зеркалу. Из рамы на него смотрело чужое, словно опалённое порохом, иссиня-зелёное лицо.

Хейс поразился. Но тут же утешил себя: «Ничего! Теперь пластические операции не составляют труда. Были бы деньги!»

– Мистер Хейс?

Элл проворно обернулся. Из приёмной к нему спешил секретарь Колвера.

– Хелло, приятель! – развязно хлопнул его по плечу Хейс. – Я пришёл за своим миллионом. Проводи-ка меня за ним поскорее!

Секретарь печально сдвинул брови.

– К сожалению, это невозможно. Мистер Колвер сегодня утром умер.

Последнее звено

Повести и рассказы

Кол-во страниц: 352

В книгу Владимира Колабухина включены его остросюжетные повести и рассказы о работе сотрудников милиции в последние годы советского времени и другие драматичные произведения.

Купить книгу по ссылке:

<http://www.ozon.ru/context/detail/id/33660343/>